

ТЕНИ БЕЛОЙ ПРИСТАНИ

ИМЕНА ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Алёна Северина

Имена завтрашнего дня

<https://litres.ru/74669259>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спустя семь недель после открытия Дома в Белой Пристани появляются свидетельства о людях, которым ещё только предстоит родиться. Мира и Лев находят среди них имя возможной дочери — но кто решил, что их будущее уже определено? Пока город готовится к опасному приливу, архивистка и следователь расследуют систему, превращающую надежды в обязательные судьбы. Чтобы защитить людей, им придётся отказаться от права знать единственно правильное завтра.

Алёна Северина

Имена завтрашнего дня

Глава 1. Запись, которой нет

Чернила проступили на странице в тот миг, когда Мира уже собиралась закрыть реестр. Сначала тонкая линия, будто невидимое перо подчёркивало пустую графу. Потом дата — двадцать девятое мая, через семь лет и один месяц. Наконец имя: Надежда Веденина.

Она держала книгу открытой на столе городского архива и считала до десяти, прежде чем позвать Соню. За семь недель, миновавших со дня большого отлива, Мира научилась не доверять первому впечатлению, даже когда оно оставляло на бумаге мокрый след. Чудеса редко исчезали от внимательного осмотра. Зато ошибки встречались гораздо чаще.

— Ты уже видела такую запись? — спросила она у вошедшей женщины.

Соня остановилась на пороге читального зала. На ней была тонкая куртка с оторванной пуговицей, в руках — папка заявлений людей, чьи документы восстановили после открытия Дома. Она привыкала к городской погоде с раздражённой настойчивостью: дождь теперь попадал в воротник, а не стекал по деревянным стенам бесконечного коридора.

— Видела пустые бланки, — сказала Соня. — Иногда на них появлялось название будущего месяца. Но имена — по-

что никогда.

— Почему ты не рассказала?

— Потому что в Доме многие вещи выдавали себя за события, которые ещё не произошли. Это не делало их настоящими.

Мира пододвинула к ней книгу. Внизу, под детским именем, проявилась новая строка: «Ближайшие свидетели — Мира Ланская, Лев Веденин». И ниже: «Согласие предполагается».

— Нет, — сказала Соня.

Она произнесла это не испуганно, а зло, как человек, который увидел знакомую подпись под незнакомым приказом.

— Где ты взяла книгу?

— Вчера в отдел прислали бланки на следующий год. Обычные, типографские. Это один из них. Не было даже печати Дома.

Соня раскрыла папку и вытащила лист учёта. На нём Мира отметила номер партии, время поступления и подпись курьера. Теперь номер изменился: вместо государственного регистрационного центра поставщиком значилось «Бюро безопасного будущего».

— Такого учреждения нет, — заметила Мира.

— Может, есть. Просто мы ещё не узнали.

Они не стали трогать запись руками. Мира сфотографировала страницу, перевела книгу под лампу холодного света, отметила толщину бумаги. Отпечаток был типографским,

нанесённым до того, как появились строки о ребёнке. Никакой невидимой вставки. Мира знала, как выглядят замены листа; так подделку не делают.

На телефон пришло сообщение от Льва: «Ведут опрос по техническому делу Арсеньева. Задержусь. Вечером зайду».

Она набрала ответ, но остановилась на слове «вечером». За последние недели их встречи стали почти ежедневными. Лев иногда оставался до утра. Ни один из них не пытался назвать это отношениями; отсутствие названия было удобным до тех пор, пока старая книга не назвала их будущими родителями.

— Не говори ему пока, — попросила Соня.

Мира подняла голову.

— Почему?

— Потому что он двадцать два года жил ради одного имени. Я не хочу, чтобы новое стало поводом прожить ещё семь лет по чьей-то записи.

— Решать за него нельзя.

Соня посмотрела на неё. На секунду обе вспомнили не сказанную вслух историю о записке бабушки, которую Мира скрывала от Льва слишком долго. Мира отложила телефон.

— Я скажу сегодня. Но сначала выясним, кто прислал книгу.

В коридоре раздался шум. Секретарь из юридического отдела почти бежала, прижимая к груди папку.

— У нас опять странные свидетельства, — сообщила она.

— Семь штук за утро. Все датированы будущим годом. И во всех уже стоят подписи людей, которых ещё не приглашали.

В первом документе женщина отказывалась от должности врача в новой больнице. Во втором мужчина продавал дом, который только собирался строить. В третьем школьница, которой сейчас было десять, подтверждала окончание университета через девять лет. Подписи выглядели достоверными, но бумага не принадлежала времени, указанному в графах.

— Кто принёс? — спросила Мира.

— Городская канцелярия. Там уверены, что эти заявления уже были рассмотрены.

Соня положила ладонь на стопку.

— Это не возврат забытых. Это попытка решить за тех, кто ещё не выбирал.

Секретарь усмехнулась, ожидая шутки. Мира указала на страницу с Надеждой. Женщина сразу перестала улыбаться.

За окном кричали чайки. Порт, переживший катастрофу, медленно возвращался к работе. На месте временных ограждений ставили прочные перила, в мастерских сушили электрические шкафы насосной станции. Люди ещё спорили, кто оплатит ремонт, и потому обычно не обращали внимания на архивные заявления. Мира впервые подумала, что этим кто-то воспользовался.

Лев приехал до закрытия. Он выглядел уставшим, но принёс Мире пакет кисло-сладких яблок с рынка. После возвра-

щения Сони у него появилась странная привычка покупать еду для людей, которых он любил, будто все двадцать два года он боялся, что им окажется нечего есть.

Она провела его в пустой зал и показала реестр.

Лев прочёл запись три раза. Потом осторожно сел.

— Через семь лет, — сказал он.

— Я знаю.

— С нашим именем.

— Я вижу.

Он провёл пальцем по пустому месту, где должна была быть подпись матери.

— А ты чего хочешь?

Мира была готова к страху, недоверию, восторгу, даже к обвинению. Только не к вопросу.

— Сейчас? Я хочу узнать, кто позволяет себе писать за нас.

Лев кивнул, словно именно такого ответа ожидал. Но по тому, как он долго складывал обёртку от яблок, Мира поняла: он почувствовал что-то ещё.

— Я бы хотел, — сказал он тихо, — чтобы у нас когда-нибудь был разговор о будущем, который не начинался с дела о подделке документов.

— И я.

Наконец она взяла его руку. Соня стояла у окна и делала вид, что изучает чайку, застрявшую на карнизе. Мира знала, что женщина нарочно оставила им немного пространства.

— Эта запись ничего не решает, — сказала она Льву. — Не говорит, что мы обязаны пожениться, стать родителями, даже остаться вместе. Она только заставляет кого-то думать, будто имеет на нас право.

— Значит, мы найдём этого человека.

Вечером они пошли в муниципальный центр закупок. Заведующая, получившая от Льва официальный запрос, подняла расходные документы. Книги будущих актов заказали у типографии обычным порядком. Но печатный заказ оплатило учреждение, которого действительно не было в действующем перечне органов власти.

В платёжном поручении значилось сокращение «БББ». Рядом — прежний номер регистрационного отдела и подпись, похожая на роспись Арсеньева. Лев пообещал сверить её без поспешных выводов. В отношении Павла уже велось расследование; новой фальшивки вполне могли добиваться те, кто хотел сделать его удобным единственным виновником.

Когда они вышли на улицу, в сквере горели фонари, дождь делал брусчатку темнее. Мира почувствовала, как холодный ветер подбирается под шарф. Лев подал ей своё пальто, и она отказалась, но позволила ему поправить воротник.

— Надежда, — произнёс он, словно пробуя слово на вкус. Мира посмотрела прямо на него.

— Не торопись привыкать.

— Не тороплюсь. — Он слабо улыбнулся. — Просто

странно, что у того, чего ещё нет, оказалось больше документов, чем у моей настоящей сестры.

Из переулка вышла девушка в форме городского курьера. Она прошла мимо, оставив на скамейке узкий конверт без обратного адреса. Лев окликнул её. Девушка оглянулась с растерянным выражением лица.

— Это не я принесла, — сказала она. — Я должна была здесь встретиться с вами завтра.

Мира подняла конверт. Внутри был лист с тремя машинописными словами: «Не изменяйте порядок».

С обратной стороны стояла сегодняшняя дата. Подпись — «Н. Веденина», той же рукой, что в реестре. Но Мира заметила, что буква «д» закончена так же, как у человека, которого она видела в архиве на поддельной карточке: прямым, машинно повторённым штрихом.

Это был не почерк ребёнка из будущего. Это был почерк того, кто не хотел, чтобы люди заметили повторение.

— Теперь, кажется, у нас есть первая улика, — сказала Мира.

Лев взял конверт за края.

— А у меня есть второй вопрос. Кому выгодно, чтобы наше завтра выглядело как вчерашний приказ?

Впервые за вечер Мира улыбнулась. Это был вопрос, на который она действительно могла искать ответ.

Глава 2. Заявление без родителя

Утром к архиву пришла женщина с детской коляской. В

коляске лежал только плед, тщательно подоткнутый с обеих сторон. Женщина держала письмо из районной поликлиники и просила объяснить, почему её сняли с очереди на служебное жильё.

— У меня нет детей, — сказала она, когда Мира предложила присесть. — Я работаю в инфекционном отделении. Квартиру обещали по стажу. А вчера прислали уведомление, что у меня уже трое несовершеннолетних и квартира считается неподходящей.

— Как вас зовут?

— Полина Савельева. И не надо говорить, что я ошиблась. Я принесла справки.

В документах стояла одна и та же фамилия, подтверждённая текущими печатями. Но рядом с именами детей даты рождения были будущими: ближайшая — через два года, последняя — через одиннадцать. В графе законного представителя значилась подпись Полины, выведенная слишком ровно, как у человека, который много раз расписывался по шаблону.

Мира сверила карточку по служебной системе. Решение районной комиссии уже вступило в силу. Протокол обсуждения датировался прошлым понедельником, когда комиссия не собиралась. К протоколу прикрепили аудиофайл длительностью семь минут. В нём тишину перебивал звук старого метронома.

— Кто дал вам коляску? — спросила Мира.

Полина посмотрела на неё с недоверием.

— Купила себе. Давно. Хотела быть матерью. Пока не получается, но это не значит, что я уже должна отчитываться за детей, которых у меня нет.

Она произнесла последнее слово с такой обидой, что Мира поняла: речь шла не только о квартире. Полина переживала длительное лечение, срывы надежд, советы чужих людей и привычные слова «не нервничайте». Теперь муниципалитет словно решил оформить её желания вместо неё самой.

— Мы составим заявление, — сказала Мира. — По фактическому состоянию дел, не по предположениям. Отдельно попросим приостановить решение до проверки. Своё желание иметь детей вы никому доказывать не обязаны.

Полина медленно выдохнула. Она убрала плед, сложила его на дне коляски и достала из кармана другую бумагу — маленький листок, который боялась показывать.

«Свидетельство Полины Савельевой: отказываюсь от памяти о первом слове сына. Взамен прошу сохранить благоприятный вариант».

— Его оставили на двери моей квартиры, — сказала она. — Вчера вечером я пыталась вспомнить, откуда взялась коляска. Помню, что мы выбирали её вместе с мужем. Он умер четыре года назад. Но вдруг мне показалось, будто я уже слышала, как в ней плачет ребёнок. Я испугалась.

Мира взяла бумагу за края. Непривычное слово «вариант» звучало не как заклинание, а как термин из статистиче-

ской модели. Она попросила Полину ничего не подписывать и записала номер для связи.

К обеду выяснилось, что Полина не единственная. В городскую приёмную пришёл электрик, которого уволили за аварию, назначенную в следующем декабре. Пожилой мужчина получил штраф за неуплаченную пошлину на наследство, которого ещё не было. Двое студентов узнали о расторжении брака, хотя даже не состояли в отношениях. У всех документов был общий реквизит: «Форма предварительной непрерывности. БББ».

Лев изучал решения вместе с адвокатом фонда помощи забытым. Он не позволил составить общее заявление о мошенничестве: слишком разные обстоятельства, слишком мало проверенных фактов. Вместо этого оформил несколько независимых запросов — в типографию, регистрационную службу, больницу и службу занятости. При обычной подделке так выясняют путь бумаги. При необычной — хотя бы узнают, что она подчинила себе.

Соня принесла из старого фонда списки бывших хранителей Дома. Она считала, что кто-то использует их опыт, но не хотела превращать каждого человека из Дома в подозреваемого.

— Здесь раньше работало пять человек с доступом к общему договору, — сказала она. — Марта, я, Павел и двое, которых больше нет в городе. Остальные умели только читать свои карточки. Но была ещё внешняя служба расчёта

рисков. Она не заходила в Дом и не носила имён. Она носила таблицы.

— Ратников, — произнёс Лев.

Соня вскинула голову.

— Ты знаешь его?

— В материалах расследования Арсеньева есть фамилия. Егор Ратников. Специалист по моделированию аварий. Сейчас возглавляет частное бюро консультаций при мэрии. Бюро официально закрыто семь лет назад, но в счетах по северному водосбросу его подпись встречается до сих пор.

Мира вспомнила слова Арсеньева: когда люди перестали видеть цену спасения, безопасность стала удобным оправданием для любого решения. Но Ратников предлагал не скрывать прошлое. Он заранее оформлял будущее.

Лев получил разрешение на опрос. К нему приложили показания Полины и несколько городских квитанций. Ратников ответил почти сразу и пригласил их в офис у станции наблюдения за приливами.

Здание стояло на высоком холме, откуда порт казался аккуратной игрушкой. Внутри пахло новым пластиком и крепким кофе. На стене висела карта уровня воды с десятками разноцветных нитей — не художественное панно, а результаты многолетних измерений. За столом сидел сухощавый мужчина лет пятидесяти с серебристыми очками и руками, на которых старые ожоги соседствовали с чернильными пятнами.

— Вы, вероятно, пришли из-за Надежды, — сказал он вместо приветствия.

Лев не опустил взгляд.

— Откуда вы знаете это имя?

— Из расчётов.

— Тогда покажите расчёты.

Ратников повернул монитор. На экране была таблица: вероятности затопления по участкам, состояние гидроузлов, расходы на ремонт, численность населения. Среди технических колонок мелькали личные имена, семейные связи, вероятности переездов. Мира сразу заметила, что строки не заканчивались сегодняшним годом. Они уходили в будущее на три десятилетия.

— Это план города? — спросила она.

— Прогноз его выживания. Я занимался им, пока наши начальники тратили деньги на красивые парапеты. Каждый отказ от ремонта меняет вероятность аварии. Каждое рождение, переезд, судебное решение влияет на то, сколько людей окажется у воды. Если знать это заранее, можно не допустить беды.

— Вы не можете знать рождения заранее, — сказала Соня.

Ратников посмотрел на неё почти с нежностью.

— Соня. Я помню вас по старым отчётам. Вы научились различать, что люди видели и что они только надеются увидеть. Думаю, вам понравится наш новый метод.

— Мне не нравится, когда в отчётах пишут за меня.

Он откинулся в кресле.

— Вы всё ещё считаете, что свобода выбора не имеет стоимости. А я каждую неделю вижу список тех, кто погиб бы из-за чужого спонтанного решения. Дорога, не построенная вовремя. Прививка, от которой отказались. Рабочий, который забыл закрыть клапан. У нас есть способ заранее удерживать наиболее безопасный вариант. Зачем добровольно выбирать катастрофу?

Лев выключил диктофон лишь после того, как Ратников явно отказался от записи беседы. Сказал, что для официального объяснения придётся вызвать его отдельно. Сейчас он хотел понять принцип.

— Каким образом ваши расчёты становятся распоряжениями? — спросил он.

Ратников указал на ящик стола. Там лежали пустые гербовые бланки — такие же, какие Мира получила утром.

— Старый Дом умел хранить людей, исчезнувших из прошлого, — сказал он. — После его открытия мы обнаружили обратную функцию: можно сохранить не прожитое прошлое, а ещё не совершённый выбор. Если достаточное число исходов подтверждается документами, наиболее безопасный становится обязательным.

— Обязательным для кого? — спросила Мира.

— Для города.

— Вы не ответили.

Он снял очки.

— Для тех, без чьего решения остальные рискуют жизнью.

Мира подумала о Полине с коляской. Человеку, который хотел ребёнка, предписывали уже иметь троих. Девочке определяли профессию. Ей самой назначали будущее с Львом. Это было не предсказание. Это была попытка превратить желания людей в строки плана, удобного для инженера.

— В вашей системе мать и отец будущего ребёнка уже согласились? — спросила она.

Ратников не отвёл глаз.

— Я надеюсь, вы сами поймёте, насколько это благоприятный вариант.

Они ушли, не подписав ничего.

На лестнице Соня остановилась и впервые за встречу позволила себе выругаться. Лев опёрся о перила, стараясь не отвечать тем же.

— Он не сошёл с ума, — сказал он. — Это хуже. Он верит в таблицу как в моральный закон.

— Значит, нам нужен не спор о свободе, — ответила Мира. — Нужно найти ошибку в его данных. И тех, кто уже заплатил за эту точность.

Полина Савельева позвонила именно тогда. Её голос дрожал.

— Мне вернули место в очереди на жильё. И приложили новое заявление. Теперь в нём стоит, что я добровольно отказываюсь от лечения. Я ничего не подписывала. Но врач уже видит отказ в системе.

Мира попросила её идти к заведующей отделением вместе с адвокатом и не вступать в спор одной. Потом посмотрела на Льва.

— Сегодня эта бумага уже причиняет вред. У нас меньше времени, чем мы думали.

На экране телефона высветилось входящее сообщение от неизвестного номера: «Не мешайте наиболее вероятно-му счастью». В приложении была фотография Миры и Льва, сделанная с холма час назад. Между ними, чуть впереди, стояла семилетняя девочка с тёмными волосами. На реальной лестнице никакой девочки не было.

Глава 3. Линия семи лет

Фотографию пришлось распечатать, чтобы перестать увеличивать её на телефоне. Цифровые файлы стали ненадёжными свидетелями после открытия Дома: иногда в них пропадали лица, иногда появлялись люди, которых никто не снимал. Бумага не была безопаснее, но у неё можно было проверить хотя бы дату печати и состав чернил.

На снимке Мира и Лев стояли на лестнице станции приливов. Между ними была девочка семи-восемью лет в красном плаще. Её рука лежала в ладони Миры, а Лев, судя по положению плеч, только что обернулся к фотографу. Если запись о рождении относилась к дате через семь лет, снимок мог изображать четырнадцатилетнее будущее. Или любую выдумку, созданную человеком, который знал их лица.

— Я хочу показать это эксперту, — сказал Лев.

— Сначала сохраним исходный файл и информацию об отправителе, — ответила Мира. — А потом эксперту.

Соня принесла ноутбук фонда, на котором не было ни личных фотографий, ни переписок. Они перенесли изображение через кабель, отключив беспроводную связь. Эксперт по цифровым изображениям, знакомый Льва, проверил метаданные и не нашёл явной подделки. Но отсутствие следов обработки, как он осторожно пояснил, не доказывало реальность изображённого.

— Можно нарисовать человека в редакторе и сохранить без ошибок, — сказал он. — Можно снять сцену с актёром. У вас есть свидетель, который был на лестнице?

— Трое, — ответила Мира. — И мы видели пустое пространство.

Эксперт открыл фотографию при увеличении. На воротнике девочки висел жетон. Буквы были смазаны, зато цифровой номер читался отчётливо: четырнадцать ноль семь. Мира записала его. Позже она обнаружила такой же номер на списке возможных решений, показанном Ратниковым: «Сценарий 14.07. Семейная стабильность».

Именно слово «стабильность» не давало ей покоя. Для кого это было счастьем? Для ребёнка, появление которого изображали как заранее согласованную сделку? Для Миры и Льва, которые едва научились не скрывать от друг друга страшные письма? Или для города, где удобнее иметь людей с предсказуемыми привычками?

В архив приехал инженер Мельников. Он по-прежнему избегал разговоров о чудесах, но охотно обсуждал ошибку измерений. Мира показала ему таблицы Ратникова. Профессор сразу заметил, что графики содержат не только исходные данные, но и итоговые решения.

— В нормальной модели можно сказать: при таком-то ремонте вероятность аварии падает. Здесь записано: для уменьшения риска человек А должен отказаться от работы, человек Б — переехать, человек В — родить ребёнка. Это не прогноз. Это инструкция.

— Он считает, что исполняет её без принуждения, — заметил Лев.

— Наука не умеет делать согласие из числа с двумя знаками после запятой, — отрезал профессор. — Даже если число посчитано верно.

Они нашли в расчётах странную зависимость. В год, на который была назначена Надежда, северный водосброс планировали полностью реконструировать. Согласно модели Ратникова, будущие дети нескольких инженеров гарантировали, что их родители не уедут из города и завершат работы вовремя. Мира сверила список. Среди «подтверждённых родителей» значилась Полина Савельева — хотя та не работала на гидроузле и не собиралась туда переводиться.

— Вариант предусматривает, что Полина станет начальником медицинской службы станции, — сказал Мельников. — И что ради этого прекратит лечиться сейчас, чтобы из-

бежать некоего будущего больничного отпуска. Абсурд. Не потому, что такой выбор невозможен, а потому, что никакая таблица не может заставить человека согласиться.

Лев изучил старые ведомости. Семь лет назад Ратников разрабатывал систему планирования аварийных эвакуаций. Тогда её применяли только к потокам транспорта и доступности больниц. После открытия Дома в расчётах появились фамилии отдельных людей. Кто разрешил ему использовать личные данные, выяснить не удалось: формальное согласие уже стояло в тех самых будущих документах.

— Замкнутый круг, — сказала Мира. — Он доказывает, что мы согласились, бумагой из будущего. А бумагу из будущего считает доказательством того, что его вариант правилен.

Соня достала из кармана маленькую карточку. Она нашла её в собственных вещах, которые перевезла из Дома. На карточке были слова: «ВАРИАНТЫ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ». Почерк принадлежал не ей.

— Это оставила женщина, которая работала с вероятными историями, — сказала Соня. — Я звала её Лидой. Она не была учёным. Просто сортировала карточки по тому, могли человек принять указанное решение. Когда регистраторы требовали поставить печать под принуждением, она оставляла такую запись.

— Где она сейчас? — спросил Лев.

— Не знаю. После открытия Дома она отказалась выхо-

дить вместе с нами. Сказала, что не готова оставить свои записи. Я уважала её решение.

Мира предложила вернуться к бывшему хранилищу. Теперь оно было отделено от действующей насосной станции и находилось под наблюдением городских служб. Большинство помещений не использовалось, однако в одной комнате всё ещё жили люди, которым некуда было идти. Соня навещала их по согласованному расписанию. В первый раз Мира увидела, как трудно сделать место, где люди были лишены права выбора, нормальным убежищем, в котором можно просто закрыть дверь изнутри и попросить гостей не входить.

Лида жила в комнате у окна. Ей было около сорока, хотя реестры указывали гораздо больше. Она носила плотный серый свитер и аккуратно сортировала листы по датам. Когда Соня представила Миру и Льва, Лида не удивилась.

— У вас появилась Надежда, — сказала она.

Мира ощутила привычное напряжение.

— Имя появилось. Человека ещё нет.

— Это и хорошо. Пока она не существует, её никто не сможет заставить согласиться.

Лида показала маленький шкаф с пустыми карточками. Каждая имела три поля: «может произойти», «кто этого хочет», «кто платит за сохранение». В некоторых строках стояли крестики. В других — длинные описания людей, которые с годами меняли работу, города, отношения. Несколько

вариантов на одного человека могли сосуществовать, пока их не закрепляли свидетельствами.

— Дом хранил не будущих людей, — объяснила Лида. — Он хранил возможность о них помнить, если они появятся. Такой запас нужен был первым свидетелям, которые боялись потерять не только прошлое, но и надежду. Потом придумали ставить один вариант выше остальных. Ведь удобнее, когда отчёт сходится.

Мира спросила, как могут существовать воспоминания о ещё не случившемся.

— Это не память в том смысле, что вы помните вчера, — сказала Лида. — Скорее обещание помнить при определённых условиях. Оно не создаёт ребёнка, не заставляет полюбить человека и не отменяет смертность. Но когда у города есть способ назначать обещания заранее, люди начинают жить так, чтобы обещание оказалось правдой. А если кто-то сопротивляется, его считают опасным.

Лев задумался.

— Значит, фотография — сценарий, который нам показывают, чтобы мы сами пошли к нему?

Лида кивнула.

— Возможно. Но кто-то научился делать сценарий обязательным документом. И это уже совсем другая работа.

Она вынула одну карточку. На ней значилось имя Полины Савельевой. Под ним было три варианта: жизнь без детей, жизнь с ребёнком и будущая семейная жизнь с тремя детьми.

У первого стояла отметка «нежелателен для планирования», но ни один вариант не содержал её согласия.

— Кому-то понадобилось, чтобы один из них стал единственным, — сказала Мира.

— Да. И пока у Ратникова есть городской реестр, он может подтвердить его от имени всей администрации.

Мира вернулась к своей записи. На обороте бумаги с Надеждой появилось четвёртое поле: «Возможность свободно-го отказа». Графа была пустой. Ни одной печати, ни галочки.

— Здесь нет нашего согласия, — сказала она Льву.

— И не будет, пока нас не спросят.

Соня посмотрела на обоих с облегчением, которого не пыталась скрывать. Когда-то её собственное имя передали Дому без разрешения. Ей не хотелось видеть, как те же люди снова начинают платить чужим будущим.

По дороге назад Лев остановил машину у северного мыса. Здесь зимой дул такой ветер, что люди ходили вдоль стены, держась за перила. Сейчас было тихо. Мира вышла, глубоко вдохнула прохладный воздух и сказала:

— Мне нравятся твои яблоки. Нравится, что ты приходишь, даже когда мы ссоримся. Но я не хочу, чтобы тебя удерживало рядом имя, которого пока нет.

Он выключил двигатель.

— Меня удерживаешь ты. Не лист бумаги.

Этого было достаточно на сегодня. Они не обсуждали свадьбу, детей и совместную квартиру. Вместо этого Лев пред-

ложил съездить в воскресенье за город, без дел и архивов. Мира согласилась с условием, что он не станет искать по дороге места преступлений. Он пообещал постараться.

Вечером на служебном компьютере архива появилось новое уведомление: «Подтверждена высокая степень риска свободного выбора. Назначена процедура стабилизации». Срок процедуры — двое суток.

Мира распечатала уведомление. На этот раз она не стала искать в нём собственной фамилии. Искала подпись человека, который считал себя вправе распоряжаться чужими днями.

Глава 4. Личные доказательства

На следующее утро Полина Савельева не смогла попасть к врачу. Регистратор поликлиники показала ей запись об отказе от лечения, подписанном во вторник. Полина в это время дежурила в больнице, но система уверяла, что подпись прошла проверку. Дежурный администратор мог выразить сочувствие, но не имел права отменить чужое заявление без отдельного постановления.

— Ничего я не подписывала, — повторяла Полина. — У меня всё ещё назначен приём. Он мне нужен.

Мира приехала вместе с адвокатом фонда. На стойке регистрации выстроилась очередь людей, которым было не до чужой странности. Рядом плакал мальчик с разбитой коленкой, пожилой мужчина кашлял в ладонь. Полина смотрела на календарь и пыталась не заплакать сама.

— Мы не будем решать ваш вопрос рассуждениями о будущем, — сказала адвокат. — У вас действующее направление и подтверждение от врача. Подадим заявление о технической ошибке. Отдельно запросим источник данных. Пока запись спорная, отказ не должен применяться.

Администратор вздохнула, но проверила правила и действительно нашла пункт о недостоверных электронных сведениях. Приём удалось восстановить на следующий день. Это была небольшая победа, не имевшая ничего общего с мистикой: обычный документ, обычная жалоба, обычная возможность человеку самому отвечать за своё здоровье.

Полина проводила их до выхода.

— Когда я увидела будущие свидетельства, мне стало страшно не потому, что там дети. Я хотела детей. Мне стало страшно, что если они не появятся, я как будто нарушу чьё-то обещание. Вы понимаете?

Мира кивнула. Она думала о Надежде Ведениной чаще, чем хотела признаваться. Не как о ребёнке, которого будто уже любила; это было бы нечестно. Как о чужом ожидании, которое кто-то положил между нею и Львом и предложил считать их собственным.

— Вы никому ничего не обещали, — сказала она.

Полина улыбнулась с благодарностью, но тут же спросила:

— А если я всё-таки должна была? Может, мне оставили шанс?

Мира не нашла готового ответа. Добровольное желание

и насильственное обещание иногда выглядят одинаково со стороны. Различие прячется там, где человек получает право передумать.

В тот же день Лев вызвал Ратникова для официального вопроса. Тот явился с адвокатом и двумя папками расчётов. Он не отрицал, что использовал архивные сведения. Утверждал, что доступ был разрешён городской комиссией, а формы предварительной непрерывности не имели юридической силы.

Лев положил перед ним заявление Полины.

— Больница отказалась принимать пациентку из-за формы, которую вы считаете необязательной.

— Это сбой взаимодействия реестров. Я направляю уведомление об устранении ошибки.

— Сколько таких ошибок?

— Нужна проверка.

— У нас одиннадцать обращений за два дня. Назовите ответственное лицо за передачу данных.

Ратников на секунду снял очки.

— Передачу выполняет автоматизированный модуль. Раньше им управляли сотрудники регистрационного отдела. После дела Арсеньева учёт передали нам как временную меру.

— Где решение о передаче?

— В протоколе переходной комиссии.

Лев попросил номер. Ратников назвал его без колебания.

Проблема заключалась в том, что комиссии с таким названием ещё не существовало. Создать её планировали только в будущем месяце. На вопрос о дате заседания Ратников ответил той же датой, что стояла на бланке. За пределами папки доказать законность решения он не смог.

— Протокол не может подтверждать полномочия учреждения, которое ещё не создано, — сказал Лев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.